

В. И. Кузищин

## О ДАТИРОВКЕ КАТОНОВСКОГО «ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

**З**ЕМЛЕДЕЛИЕ — не только первое агрономическое сочинение, но и вообще первое прозаическое произведение на латинском языке, сохранившееся до нашего времени<sup>1</sup>. Его популярность и влияние на латинскую литературу были огромны. Естественно, что катоновский трактат привлек пристальное внимание современной науки, и к настоящему времени библиография работ о Катоне — одна из самых обширных<sup>2</sup>. Хотя в научной литературе нашли отражение самые несходные взгляды на композицию трактата и другие вопросы<sup>3</sup>, большинство исследователей с редким единодушием придерживаются одной точки зрения на приблизительную датировку этого произведения. Такой приблизительной датой считается середина II в. до н. э.<sup>4</sup> Отклонения от этой датировки немногочисленны. Ф. Делла Корте полагает, что Катон написал это сочинение в конце 60-х гг.<sup>5</sup> Более широкую датировку — а именно 175—150 гг. до н. э. — предлагает Тенни Франк<sup>6</sup>. Еще дальше идет Пауль Тильшер, который считает, что Катон писал свое агрономическое произведение, как Гете «Фауста», всю жизнь — с 36 лет (т. е. с 198 г.) и вплоть до смерти. П. Тильшер полагает, что написание отдельных глав было более или менее строго подчинено накоплению хозяйственного опыта Катона, так что первые главы написаны раньше (в 90-х гг.), последующие — позже (в частности глава 128 после 164 г.), а заключительные 34 главы — перед самой смертью. Смерть застала Катона с пером в руке, когда он среди прочих дел сажал спаржу и солил окорока, о чем и успел записать в последних двух главах. На основе трактата, полагает П. Тильшер, можно даже восстановить последовательное течение жизни Катона, постепенное

<sup>1</sup> RE, Hbd. 43, стр. 147—148.

<sup>2</sup> См. библиографию в работах: E. Marmorale, Cato Maior, Bari, 1949, стр. 162—163; D. Kienast, Cato der Zensor, Heidelberg, 1954, стр. 167—168; L. de Regibus, Il Censore e l'Africano, Genova, 1959, стр. 47—48; а также U. Zucarelli, Rassegna bibliografica di studi e pubblicazioni su Catone (1940—1950), «Paideia», 1952, стр. 213. сл.

<sup>3</sup> RE, Hbd., 43 стр. 147—156; М. Е. Сергеевко, Катон и его «Земледелие», в кн.: Марк Порций Катон, Земледелие, пер. и комм. М. Е. Сергеевко, М.—Л., 1950, стр. 97—122.

<sup>4</sup> Например, H. Gummert, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus, Lpz., 1906, стр. 13; САН, VIII, стр. 337—379; сб. «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве», М., 1937, стр. 11; Сергеевко, ук. соч., стр. 123; Дж. Луццатто, Экономическая история Италии, М., 1954, стр. 71.

<sup>5</sup> Fr. Della Corte, Catone Censore. La vita e la fortuna, Torino, 1949, стр. 52—55; Marmorale, Cato Maior, стр. 160—161.

<sup>6</sup> ESAR, I, стр. 160—161.

приобретение имений, пристройки и посадки в молодые годы, заболевания, вывихи в старости, обращение выживающего из ума старика к заговорам <sup>7</sup>. П. Тильшер наиболее подробно обосновывает свою попытку датировки катоновского трактата, обычно же этот вопрос решается без аргументации. Попробуем и мы привести некоторые более развернутые соображения относительно датировки сочинения Катона.

Плутарх пишет, что в молодости Катон занимался земледелием по необходимости, поскольку в ту пору у него было лишь два источника дохода — земледелие и бережливость, а позже сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение, равно как и пищу для размышлений (Plut., Cato Mai., 25). «Усердно хлопоча о приумножении своего имущества, он пришел к мысли, что земледелие — скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобрел водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства валяльной мастерской, плодородные земли с пастбищами и лесами (ни те, ни другие не требуют забот) — и все это приносило ему много денег... Занимался он и ростовщичеством, и вдобавок самым гнусным его видом: ссудой под залог кораблей... Он ссужал в долг и собственным рабам» (там же, 24) <sup>8</sup>. Таким образом, Плутарх сообщает об определенной эволюции в хозяйственном мировоззрении Катона: на первом этапе его жизни земледелие для него было главным источником доходов, на втором — стало развлечением и отдыхом. Сравним это сообщение Плутарха с тем, что говорится у самого Катона. В трактате недвусмысленно сказано, что доход от земледелия самый чистый и самый верный, что он даже предпочтительнее, чем доход ростовщика и торговца <sup>9</sup>. Весь дух трактата, характер описанного в нем хозяйства пронизан меркантильными интересами. Расчеты, доходящие до сестерций, свирепая экономия, тесные связи с рынком, денежные вложения рисуют хозяйство доходное, рентабельное. Ярко выраженная товарная направленность катоновского имения — общее место в современной литературе. Нет ни одной главы, ни одного намека, который позволил бы предполагать, что занятием земледелием «скорее приятное времяпрепровождение». Хозяин с раннего детства обходит поля, участки, расспрашивает виллика, внимательно просматривает счета, намечает план дальнейших работ, вникает во все мелочи хозяйственных работ. Катона мало заботят красоты господской половины или деревенский стол <sup>10</sup>. К приезду хозяина, видимо, даже не особенно готовятся, а кулинарные рецепты Катона не отличаются совершенством <sup>11</sup>. Господин, как он обрисован в трактате, приезжает в деревню не для отдыха, а для работы, для внимательного инспектирования своего доходного предприятия. По нашему мнению, сопоставление этих особенностей катоновского трактата с данными Плутарха позволяет прийти к выводу, что дух, идеи, характер трактата соответствуют не тому времени, когда Катон считал уже деревню местом отдыха и развлечения, но

<sup>7</sup> P. Thielcher, *Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft*, B., 1963, стр. 16—18.

<sup>8</sup> Выдержки из Плутарха — в переводе С. П. Маркиша, из Катона — в переводе М. Е. Сергеевского.

<sup>9</sup> Cato, praef.: est interdum praestare mercaturis rem quaerere nisi tam periculosum sit, et item foenerari, si tam honestum sit... maximeque pius quaestus stabilissimusque consequitur minimeque invidiosus...

<sup>10</sup> О господской половине Катон глухо упоминает только один раз (4, 1; villam pro sororia aedificato), в то время как о сельской вилле несколько раз и очень подробно. Судя по описанию, господская половина Катона была очень невзрачна. См. Plut., Cato, 4, а также Aul., Gell., XIII, 23, 1.

<sup>11</sup> Плутарх (Cato, 24; 25) говорит том, что во второй период жизни, когда Катон разбогател, он стал задавать пиры в деревне для своих друзей, т. е. его привычки заметно изменились.

первому этапу жизни Катона, когда земледелие было для него важнейшим источником дохода. Тогда-то, надо думать, и был написан трактат.

Каким же временем можно датировать этот период жизни Катона?

Известно, что он в 199 г. был претором, в 198 г. — управлял Сардинией, проявляя крайнюю бережливость и скромность; будучи консулом в 195 г., Катон прославился строгостью и неподкупностью в Испании, которые позволяют думать, что он и в сорок лет не изменил своим привычкам. В «Земледелии» (3, 1) есть очень любопытное замечание о возрасте хозяина, которому следует приступить к постройке виллы: «В первой молодости хозяину следует ревностно засаживать имение. Над застройкой следует думать долго; над посадкой думать не следует: тут следует действовать. Когда твой возраст дойдет до 36 лет, тогда следует строиться, если имение у тебя засажено». П. Тильшер совершенно прав, приурочивая это замечание к возрасту к самому Катону и его собственному опыту<sup>12</sup>. Видимо, сам Катон начал деятельно строить свои виллы примерно с 198 г., после возвращения из Сардинии. В трактате уделено очень большое внимание различным проблемам и аспектам строительства вилл, организации и налаживанию хозяйств различных имений в целом. Достаточно рассмотреть инвентарь оливкового сада в 10-й главе и виноградника в 11-й, чтобы понять, что перед нами самый начальный процесс организации подобных хозяйств. Видимо, достаточного опыта еще не было, и Катон должен был перечислять самым подробным образом орудия, рабский персонал, оборудование вплоть до лоханей, скамеек, стульев, кресел, тюфяков, мешков, полотенец и даже ночных горшков. При наличии некоторого опыта ведения таких имений столь подробное перечисление инвентаря не имело бы особого смысла. Напротив, оно приобретало большое значение при начале создания этих хозяйств.

Строительные рекомендации Катона тоже очень обстоятельны. Предусматриваются все возможности: каменный фундамент, стены из мелкого щебня на известковом растворе или из сырцового кирпича. «Крыша вычисляется так: пересчитываются все цельные черепицы: черепицы, в которых не хватает одной четвертой части, идут две за одну; черепица для водостоков ставится каждая в две, стоящая над стоками считается каждая за четыре (14, 4). Столь же подробны советы Катона по сооружению масляной винодельни (см. гл. 18—22). Советы Катона обращены к тому, кто начинал строиться заново, от фундамента (14, 1).

Исследование эволюции итальянских вилл (на примерах остатков помпейских сельских вилл) привело специально занимавшегося этим вопросом Р. Каррингтона к выводу, что самый ранний тип сельских вилл, наиболее близко связанный с архаическим итальянским сельским домом и лучше всего согласующийся с указаниями древних авторов, в том числе и Катона, появляется на рубеже III и II вв. до н. э.<sup>13</sup> Видимо, Катон не просто отразил самое начало строительства нового для того времени типа сельской виллы, в последующее время широко распространившегося по всему римскому миру, но и сам принимал непосредственное участие в создании этого типа сооружений. Детальные указания о способах кладки, количестве черепиц, форме фундамента, о породах дерева для стояков, подробные вычисления длины ремней, величины двора, количества ка-

<sup>12</sup> Thielscher, ук. соч., стр. 16.

<sup>13</sup> R. C. Carrington, *Some Ancient Italian Country Houses*, «Antiquity», vol. VIII, № 31, Sept. 1934. Сравнение этого типа виллы с ранним домом Сергия в Помпеях позволяет автору сделать вывод об архитектурных источниках того и другого. Таким источником был древнейший деревенский комплекс, объединяющий несколько хижин вокруг некоего пустого пространства — двора. В дальнейшем в деревне он развился в виллу, а в городе в дом атриумного типа, вокруг двора в вилле и атриума в городском доме сгруппировались помещения.

морок, ставен, окон и пр. (гл. 14—15, 18—22), надо думать, основаны прежде всего на собственном опыте Катона.

Есть в сочинении Катона еще одно довольно существенное указание на рубеж III и II вв. — начальные десятилетия II в. до н. э. Речь идет об употреблении в строительстве так называемого бетона. Как известно, римский бетон начинает вводиться в строительную практику в конце III — начале II в. до н. э., причем ранний бетон был близок к мелкой бутовой кладке и применялся лишь спорадически. Только несколько позже, скорее всего, к середине II в. до н. э. бетон как массовый стеновой материал вытеснил все другие<sup>14</sup>. Сведения же Катона о бетоне еще очень скудны и отражают лишь самое начало применения этого материала. Например, наряду с возведением стен из мелкого щебня на известковом растворе со столбами из квадратного камня (14, 1: *parietes omne uti iussitur, calce et caementis, pilas ex lapide angulari...*). Катон предлагает строить усадьбу с каменным на извести фундаментом, высотой в фут от земли и со стенами из необожженного кирпича (14, 4; *villa lapide calce fundamenta supra terra. pede, ceteros parietes ex latere...*)

Видимо, последний способ строительства более архаичен и тем не менее довольно употребителен, поскольку Катон его рекомендует так же, как и первый. Однако Катон гораздо большее внимание уделяет более новому методу строительства: даже стены вокруг виллы он рекомендует возводить «из мелкого щебня и твердого камня на известковом растворе» (15, 1: *maceries ex calce caementis silice, uti dominus omnia ad opus praebeat...*). При заключении строительного контракта с подрядчиком хозяин предоставляет все необходимое для приготовления бетона: камень, известь, песок, воду, мятую солому, глину, для обмазки (14, 3). Две главы (16 и 38) Катон посвящает описанию обжига извести, важнейшего компонента римского бетона, причем, видимо, в поместье была постоянная печь для обжига извести. Однако катоновский бетон был еще очень несовершенен (не говоря о том, что он не вытеснил целиком из употребления сырцовую технику) и в него не добавлялся еще мелкий вулканический песок (так называемая пуццолана), обеспечивавший римскому бетону чрезвычайную прочность и водонепроницаемость<sup>15</sup>. Иначе говоря, советы Катона отражают самую зарю бетонной техники, самое начало создания типа римской сельской виллы, самый ранний этап строительства вилл и создания рабовладельческих имений в Италии, т. е. отражают условия рубежа III и II вв. — первых десятилетий II в. до н. э. Эти соображения хорошо соответствуют словам Катона о начале строительства с 36-летнего возраста и рассмотренным уже сообщениям Плутарха.

«При самом беглом чтении Катонova „Земледелия“, — пишет М. Е. Сергеев, — нельзя не заметить, что маслина в хозяйстве Средней Италии занимает в это время чуть ли не первое место<sup>16</sup>. Следуя своей манере не-

<sup>14</sup> Так, например, грандиозный портик Эмилиев построен целиком в бетонной технике, свидетельствуя о том, что римские строители хорошо овладели новым материалом. См. «Всеобщая история архитектуры», под ред. Д. Е. Аркина и др., II, 2. Архитектура древнего Рима, М., 1948, стр. 57; О. Ш у а з и, Строительное искусство древних римлян, М., 1938, стр. 27—28. См. также «Enciclopedia Italiana», vol. IX, Cementizia opera, стр. 701; B. van D e m a n, Methods of Determining the Date of Roman Concrete Monuments, AJA, XVI (1912), стр. 230.

<sup>15</sup> В и т р у в и й, Об архитектуре, II, 6, 1: «Есть также сорт песочной пыли, которая совершенно естественным путем производит изумительное действие. Месторождение ее в Байанских краях, на земле муниципий, лежащей около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем она придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но под ее действием приобретают незыблемую твердость даже сооружаемые на море мольи».

<sup>16</sup> Т. Франк (САН, VIII, стр. 338 сл.), говоря о большом развитии маслиноводства в это время, ставит маслину на второе место после винограда.

однократно возвращаться к предметам, которые он считает важными, Катон говорит о масличном дереве во всех отделах своей книги, где есть основание его упомянуть<sup>17</sup>. Среди речей Катона была речь (к сожалению, неизвестно когда произнесенная) «Об оливковом имении» (*De fundo oleario*)<sup>18</sup>. Видимо, он считался знатоком этого предмета<sup>19</sup>. Особый интерес Катона к маслиноводству (причем он говорит очень подробно о начальной разбивке, о молодых посадках масличных деревьев, об оборудовании масличного имения, так сказать, на голом месте) свидетельствует о самом начале широкого маслиноводства в Италии. К какому времени следует приурочить этот начальный процесс, столь точно отраженный катоновским трактатом? Таким, как кажется, наиболее подходящим временем для интенсивной посадки маслин были 90-е годы II в. до н. э. В самом деле, только что закончилась Ганнибалова война, только в 205 г. Ганнибал покинул Италию, которую опустошал 14 лет. Особенно сильно пострадала от военных действий Средняя и Южная Италия — области, самые подходящие для разведения маслин. Видимо, военные опустошения больше всего повредили оливковым посадкам. Разграбленное поле может вновь принести урожай уже на следующий год, чтобы восстановить вырубленный виноградник — нужно 4—5 лет, но новые посадки оливковых деревьев начнут приносить урожай лишь через 10—15 лет. Надо думать, что восстановление оливковых посадок было первоочередной проблемой в тогдашнем сельском хозяйстве<sup>20</sup>. К тому же начал открываться для италийского масла громадный рынок в Цизальпинской Галлии, где маслина не растет<sup>21</sup>. Маслина становилась выгодной, очень доходной культурой, и сразу же после окончания войны италийские хозяева принялись усердно насаживать оливковые сады. Катон, видимо, вовремя пришел им на помощь со своими подробными советами — как сажать деревья, устраивать питомники, собирать плоды, строить давяльни и готовить масло, рассчитываться с подрядчиками, продавать масло и т. п. Подробнейший инвентарь оливкового сада в 240 юг.<sup>22</sup> говорит о начальном процессе создания специализированных оливководческих поместий с определенным рабским персоналом, имений, способных удовлетворить широкий рынок. Эти советы Катона, на наш взгляд, труднее понять, исходя из условий середины века, когда уже полностью затянулись раны Ганнибаловой войны и хозяйственная жизнь целиком нормализовалась. К тому времени, видимо, завершился начальный процесс, связанный с интенсивными посадками и организацией оливководческих имений, и эти советы должны были уже потерять свой смысл, тогда как в начале века они были весьма актуальны.

К тому же, как мы помним, Катон прямо говорит: «В первой молодости (т. е. до 36 лет. — *В. К.*) хозяину следует ревностно засаживать имение (3, 1: *agrum conserere studere oportet*)». Дальнейшее изложение показыва-

<sup>17</sup> М. Е. Сергеевко, *Очерки по сельскому хозяйству древней Италии*, М.—Л., 1958, стр. 7 сл.; см. также Сергеевко, Катон и его «Земледелие», стр. 110—122.

<sup>18</sup> Гельцер в RE (Hbd. 43, стр. 128) приурочивает эту речь к цензуре Катона, т. е. к 184—183 гг. Кинаст (*Kienast*, ук. соч., стр. 165) помещает ее среди речей, время произнесения которых неизвестно.

<sup>19</sup> Любопытно, что среди многочисленных речей Катона, Цицерон (*Brutus*, 17, 65) говорит о 150 речах, имеется только одна речь, произнесенная, так сказать, на сельскохозяйственную тему и как раз о маслиноводческом имении. Правда, среди речей Катона встречается и такая — *de agna musta pascenda* (см. *Kienast*, ук. соч., стр. 165).

<sup>20</sup> Об этом прекрасно говорит Т. Франк (САН, VIII, стр. 338).

<sup>21</sup> На значение цизальпинского рынка для развития маслиноводства в полуостровной Италии указала М. Е. Сергеевко (*Очерки...*, стр. 7 и 202).

<sup>22</sup> Сергеевко, *Очерки...*, стр. 203, прим. 15: «Насколько продуман и строго целесообразен инвентарь маслинника, настолько произвольно и случайно подобран ряд вещей, входящих в инвентарь виноградника».

ет, что Катон имеет в виду прежде всего посадки оливы. Иначе говоря, вновь посаженный сад принесет свои первые плоды и первое масло к тому времени, когда будет построена вилла — имеется в виду, что между посадкой олив и постройкой давлений и погребов пройдет 10—15 лет. Если допустить, что сам Катон начал посадки в последние годы III в., например, в 205—204 г.<sup>23</sup>, то окончательная постройка помещений виллы придется на конец 90-х гг. II в. до н. э.

Посадка оливковых деревьев, разбивка виноградников, посев новых культур, строительство вилл предполагает наличие большого количества ранее пустовавшей земли, интенсивно вводимой в сельскохозяйственный оборот. Вот советы Катона относительно покупки нового имения: «Когда ты задумаешь приобрести имение, положи себе за правило следующее: не бросайся на покупку — не жалея своего труда на осмотр и не считай, что достаточно один раз обойти его кругом. Хорошее имение будет тебе нравиться больше и больше с каждым разом, как ты туда пойдешь» (1, 1). Имение должно быть с хорошей землей, которая сама родит, у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога (2—3). Видимо, было достаточно хороших пустующих или заброшенных земель, если можно было столь долго и безбоязненно торговаться. Как раз после Ганнибаловой войны в Италии появился некоторый фонд таких земель<sup>24</sup>, и предписания Катона имеют в виду, скорее всего, этот период времени. От опустошений Ганнибала пострадали особенно сильно Кампания и Южная Италия, конфискации и репрессии римлян довершили разорение и создали определенные излишки плодородных земель, на которые, видимо, устремились римские рабовладельцы и дельцы, среди них и сам Катон<sup>25</sup>. Катон по наследству получил некоторое количество земли в Сабинии (Plut., Cato, 1), однако в трактате основное внимание Катона привлекает не Сабиния, а Южный Лаций и Кампания, один раз он называет Луканию (гл. 135)<sup>26</sup>. Видимо, в этих областях он приобрел имения и начинал оборудовать оливководческое и виноградарское хозяйство. Процесс приобретения земель в Кампании и Южном Лации и организацию новых хозяйств в этих местах скорее всего следует относить к первому десятилетию после Ганнибаловой войны, но никак не к середине II в. до н. э., когда был земельный голод, а следовательно, и цены на землю должны были быть высокими<sup>27</sup>.

Если бы катоновский трактат появился в середине II в. до н. э., он так или иначе должен был бы отразить обстановку, сложившуюся в Италии и приведшую в середине 30-х гг. к бурным событиям, связанным с именем Тиберия Гракха. Крестьянское движение возникло не сразу и, его основные причины начали действовать раньше. Это — наводнение Италии рабами, широкое распространение рабовладельческих имений, разорение кре-

<sup>23</sup> В самом деле, Катон предлагает приступить к строительству виллы с 36 лет. 36 лет ему исполнилось в 198 г., к этому времени молодые посадки оливковых деревьев уже сделаны, видимо, несколько лет назад (примерно 4—5), т. е. начало посадок падает на 204—202 гг.

<sup>24</sup> G. T i b i l e t t i, Lo sviluppo del latifondo in Italia dall' epoca Graccana al principio dell' impero, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», II, стр. 248—250; RE, Splbd. IV, стр. 239, s. v. Domänen; A. T o u n b e e, Economic and Social Consequences of the Hannibalic War, «Bull. of the J. Rylands Libr.», XXXVII (1954).

<sup>25</sup> П. Тильшер (ук. соч., стр. 6—8) насчитывает у Катона семь имений.

<sup>26</sup> П. Тильшер (ук. соч., стр. 8—9) восстанавливает географическое положение катоновских имений.

<sup>27</sup> Во всяком случае в 173 г., а потом в 165 г. с большим трудом пришлось восстанавливать захваченный частными лицами *ager publicus* в Кампании (L i v., 42, 1, 6; 9, 7; 19, 1—2).

стьянства, невозможность для разоренных крестьян жить в деревне, где они даже не могли работать у богатых, поскольку те пользовались покупными рабами<sup>28</sup>. На мой взгляд, такая напряженная обстановка не могла не отразиться в земледельческом трактате. Однако общая атмосфера катоновского произведения совсем иная. Вот что говорит по этому поводу М. Е. Сергеевко: «Книга Катона рисует нам среднюю Италию того времени как цветущий край. Раны, нанесенные войной Ганнибаловой, затянулись быстро. Города Лация и Кампании оживлены ремесленной деятельностью и торговлей, поля засеяны хлебом и засажены виноградными лозами и фруктовыми деревьями. Недалеко одна от другой разбросаны усадьбы, из которых каждая является центром имения, небольшого по площади, но организованного с расчетом на то, чтобы насытить вином, маслом и хлебом крупный рынок. Хозяйство, особенно масличное, идет в гору, страна заселена густо. Рядом с рабовладельческими имениями находятся крестьянские хозяйства: у крестьянина есть свой земельный участок и своя скотина. Он не настолько богат, чтобы отказаться от приработка, и охотно идет работать поденно или сдельно к соседнему землевладельцу, но это не безземельный батрак и даже не малоземельный пахарь, которого можно заставить работать на самых жестких условиях, пользуясь тем, что он вынужден выбирать только между двумя возможностями: соглашаться или умирать с голоду. Обездолена только главная рабочая сила поместья — рабы»<sup>29</sup>.

М. Е. Сергеевко приходит к выводу о том, что оплата наемных работников и батраков у Катона была довольно высока и никак не свидетельствует об их бедственном положении<sup>30</sup>. Сами взаимоотношения Катона с соседней округой, в том числе с соседями-крестьянами характеризуются довольно оживленными и относительно дружественными связями. «Будь хорош к соседям, рабам провинностей не спускай. Если соседи будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабочих. Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом» (Катон, 4). Одно из строгих предписаний виллику состоит в том, чтобы виллик не задерживал после выполнения работ дольше одного дня работника, нанятого за деньги, или за долю в урожае (5, 4), видимо, Катон усматривал в более длительном задержании работников известный произвол виллика<sup>31</sup>. Положение среднеиталийского крестьянина, его взаимоотношения с владельцами соседних рабовладельческих усадеб, как они рисуются катоновским трактатом, заметно контрастируют с положением италийского крестьянства середины II в. до н. э., насколько оно известно по фрагментам речей Гракхов и соответствующих описаний Аппиана и Плутарха. Скорее всего катоновский трактат отражает другую эпоху и другие взаимоотношения, отделенные от времени великого аграрного движения несколькими десятилетиями и принадлежащие не середине, а началу II в. до н. э. Рабовладельческие имения и виллы только-только начинают складываться, еще много пустующих земель, рабство еще не овладело производством, для крестьянина находится работа в соседних поместьях в строительстве, на обжиге извести, при возделывании зерновых, сборе маслин и приготовлении масла. Еще не созданы условия для резкого антагонизма между собственниками рабовладельческих вилл и крестьянством. Все эти особенности катоновской картины указывают на начало II в. до н. э.

<sup>28</sup> См. А р р., ВС, I, 7—10; P l u t., Ti. Gracc., 8; T i b i l e t t i, ук. соч., стр. 247 сл.

<sup>29</sup> Сергеевко, Очерки..., стр. 16—17.

<sup>30</sup> Там же, стр. 15—16.

<sup>31</sup> Иное толкование этого предписания см. в статье М. Е. Сергеевко, Катон, Земледелие, 5, 4, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 618—619.

В трактате Катона есть много архаических дедовских советов, указания на примитивную агротехнику, в ряде случаев Катон, рабовладелец и крупный делец, наделен чертами мелкого производителя-крестьянина<sup>32</sup>. С этой точки зрения особенно любопытно введение к трактату. Для Катона здесь характерны антиростовщические настроения, при всех формациях наиболее близкие именно мелкому производителю. Катоновский идеал сугубо крестьянский: «И хорошего человека, когда хвалили, то хвалили его так: „хороший земледелец и хороший хозяин“. Считалось, что кого так хвалили, тот взыскан наивысшей похвалой... Из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» (Cato, praef., 2—3). Содержание же самого трактата показывает, насколько далек был этот идеал от действительности. Владелец катоновского поместья — это не патриархальный крестьянин, а ловкий, прожженный делец-предприниматель, заботящийся прежде всего о прибыли. Однако и в этом дельце много крестьянских черт. Катон имеет дело с солидными именьями, большим количеством рабочей силы, ворочает громадными денежными суммами, но при этом сам ведет счет стульям и ночным горшкам, мешкам и полотенцам. Катон определяет число воронок, губок, черпаков и разливательных ложек, замков и ключей, длину веревок и ремней, но ничего не говорит о нормах дневной выработки рабов. Во многих его советах сквозит скорее узкий крестьянский экономизм, чем трезвый деловой расчет крупного хозяина-организатора<sup>33</sup>. Тесное переплетение старых крестьянских взглядов с представлениями владельца большого хозяйства, столь заметное в катоновском трактате, как нам кажется, отражает первый этап жизни Катона, когда его собственный опыт занятий сельским хозяйством в небольшом отцовском хозяйстве был еще свеж в его памяти и, так сказать, осложнял его новые хозяйственные взгляды уже господина нескольких имений.

Важным аргументом в пользу ранней датировки катоновского сочинения служит упоминание Катоном викториатов, монетных номиналов, имевших относительно небольшое хождение и лишь несколько выпусков. Согласно новейшим исследованиям<sup>34</sup> первый выпуск викториатов дати-

<sup>32</sup> О традиционализме и консерватизме в мировоззрении Катона, проявившихся в трактате, очень подробно говорит Дж. Тибилетти (ук. соч., стр. 237—251, с богатой библиографией). Ср. Сергеев, Очерки..., стр. 25: «...Сквозь неуклюжие и деловые строчки проглядывает облик старозаветного итальянского хозяина».

<sup>33</sup> См. T i b i l e t t i, ук. соч., стр. 247: «Катон, правда, допускает вложение капитала для получения далекого дохода посредством создания поместья, но судьба такого вложения оказывается затем неясной, если ожидать дохода от небольших компенсаций, которые получаются от распродаж, совершаемых им (в 2, 7.—В. Р.). Эти патриархальные наставления — хотя возможно, они в некоторой степени подделаны под прошлое — больше подходят к небольшому полю старого времени с его натуральным хозяйством, чем к именно в сотни югеров со специализированной культурой». Эти советы дают другой хороший пример переходной эпохи, о которой пишет Катон.

<sup>34</sup> В дальнейшем изложении мы следуем выводам Э. О. Сайденхема (Ed. A. S y d e n h a m, The Coinage of the Roman Republic, L., 1952, стр. XVIII—XXVIII, 8—38), см. также его работы «Aes grave» (L. 1926); «Victoriates» («Numism., Chron», 1932); «Problems of the Early Roman Denarius» («Transactions of the International Numismatic Congress», 1936). Выводы Эд. Сайденхема о датировке первых выпусков денариев близко соприкасаются с выводами Г. Маттингли и Робинсона, как известно, серьезно пересмотревших прежние датировки римского монетного дела. См. H. M a t t i n g l i, Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire, L., 1962, стр. 15—18 (в этом последнем издании своего труда Маттингли не считает исключенной и более позднюю датировку первых денариев — 169 годом до н. э.). А. Н. Зограф (Античные монеты, М.—Л., 1951, стр. 52) считает доводы Г. Маттингли относительно новой датировки очень убедительными. Иной точке зрения придерживается Гамберини ди Скарфеа (G a m b e r i n i d i S c a r f e a, La monetazione di Roma durante la Repubblica, Bologna, 1962, стр. 40—41).

руется 205 г., и в течение 205—187 гг. викториаты были единственной серебряной монетой в Риме. Этот выпуск викториатов (так называемый класс I) считается монетой, подготовившей выпуск денария и рассматривается как преденарий. Викториаты имели свою особую весовую систему, связанную с римско-кампанским серебром, но не были связаны с весовой системой последующего денария. Когда началась чеканка денариев в 187 г., выпуск викториатов класса I (преденарии) прекратился, и вскоре они исчезли из обращения. Возрождение викториатов началось после 172 г., когда их выпустили вместо исчезнувшего квинария. Викториат нового выпуска (так называемый класс II) имел меньший вес, чем викториат I класса и был приведен в соответствие с весом денария, составляя  $\frac{3}{4}$  денария. Чеканка викториатов II класса прекратилась в 150 г. Хотя викториаты во второй четверти II в. обращались на внутреннем рынке наряду с денариями, но они имели гораздо меньшее значение в монетной и расчетной практике, чем денарии, которые стали безраздельно господствующим номиналом. В расчетах же, которые приводит Катон, упоминаются лишь викториаты и сестерции, но ни разу не упоминается денарий, т. е. самая распространенная, самая обычная после 187 г. монета. Приведем места, где упоминаются викториаты: гл. 15. «Если хозяин сдает с подряда постройку стен в усадьбе в 100 футов, — 10 футов в квадрате + то цена ей 10 викториатов» (*parietes villae si locet in p. C., id est p. X quoquo versum, libellis in ped. V et perticam I p. vic. n. X. sesquipedalem parietem*)<sup>35</sup>; гл. 145, 3: «Добавкой ему (подрядчику. — В. К.) будет масла и соли по его потребе и по два викториата на каждый пресс»<sup>36</sup>. Специально занимавшийся вопросом об употреблении Катонем викториатов П. Тильшер<sup>37</sup> полагает, что именно викториаты имеются в виду еще в трех местах в 14,3 (два раза) и 5, где они названы просто *nummi*<sup>38</sup>. Таким образом следует думать, что Катон упоминает о викториатах пять раз, причем викториаты использовались при повседневных расчетах: для оплаты строителя, при покупке черепицы, расчетах с подрядчиком и его бригадой наемных рабочих. Иначе говоря, это — обычная распространенная монета. Но денарий Катон не упомянул ни разу. Очевидно, Катон, когда писал свой трактат, еще не знал денария как основной монеты. Естественно заключить, что «Земледелие» написано до чеканки денариев, т. е. до 187 г. Кроме викториатов, Катон упоминает, и довольно часто, также сестерции. «Как известно, — пишет А. Н. Зограф, — сестерций был довольно редким монетным номиналом, чеканился в небольшом количестве, но вплоть до III в. н. э. оставался основной счетной монетной единицей. Большинство расчетов обычно совершалось в сестерциях. Широкая популярность сестерция в качестве основной расчетной денежной единицы объясняется тем, что по весу он представлял собою один скрипул, издавна излюбленную единицу (ср. сицилийскую литру) монетного счета, положенную еще в основу римско-кампанских монет и, может быть, заимствованную из Этрурии вместе с де-

<sup>35</sup> П. Тильшер расшифровывает этот текст так: *parietes villae si locet in p(edes) C — id est p(edes) X quoquo versum [libellis: in ped. V] et perticam i(n) p(edes) <V> — vic(toriatos) n(ummos) X sesquipedalem parietem.*

<sup>36</sup> *Cat.*, 145, 3: *Accedit oleum et sale suae usioni quod satis siet vasarium vict. II.*

<sup>37</sup> См. Е. Jungst, P. Thielscher, *Cato und Victoriate*, «Philologus», 92, № 46, 1937, стр. 331—343 (мне недоступно).

<sup>38</sup> *Cat.*, 14, 3: *Huic operi pretium ab domino bono, qui bene praebeat quae opus sunt et nummos fide bona solvat in tegulas singulas II* (по мнению П. Тильшера, подразумевается: *in tegulas singulas II nummos* — по аналогии с 14, 5. — В. К.); *Cat.*, 14, 5: *cetera lex uti villa ex calce caementis. Pretium in tegulas singulas n. s. (II. Тильшер расшифровывает n. s. как n(ummos) s(ingulos) — ук. соч., стр. 17).* Некоторые издатели и переводчики понимают под *nummos* не викториаты, а сестерции — см. *Marcus Porcius Cato, On agriculture*, L., 1936; *Cato the Censor, On Farming*, N. Y., 1933; Катон, *Земледелие*, М. — Л., 1950.

сятичной системой деления, примененной к денарию»<sup>39</sup>. В связи с этим, может быть, сестерций, упомянутый Катон, представлял собой не монетный номинал, тесно связанный с денарием, а счетную монетную единицу.

Основные источники катоновского трактата, как это общепризнано, — собственный опыт его автора и заветы предков. Однако в «Земледелии» можно проследить ясные следы и иноземного опыта. В нескольких местах Катон пишет о предметах, явно заимствованных из Карфагена. Он называет в числе других сортов — африканскую смоковницу (*Africanas*, 8, 1), приводит рецепт пунийской каши (*pultem Punicam*, 85), наконец, при изготовлении круглой доски для выдавливания маслин он советует придерживаться пунийского образца (18, 9). Дважды Катон называет предметы, заимствованные из Испании: сагунтскую смоковницу (*sacontinas hibernas*, 8, 1) и испанскую мельницу (*molas.... hispaniensis unas*, 10, 4). Откуда мог взять все эти сведения Катон? Несколько лет он провел в Африке как квестор Сципиона Старшего и вполне мог ознакомиться с некоторыми сторонами сельского хозяйства Карфагена. В 195 г. Катон находился в Испании и, видимо, не только подавлял восстание испанских племен, но и находил время присмотреться и к их сельскохозяйственному опыту и привезти в Италию и новые породы деревьев и более совершенные мельницы. Вернувшись из Испании Катон, надо думать, продолжал приводить свои поместья и виллы в окончательный порядок в течение нескольких лет, а в 192—191 г. принимал участие в военных действиях против Антиоха III уже в должности военного трибуна у консула Манья Ацилия Глабриона. В качестве легата он объехал всю Балканскую Грецию. Как сообщает Плутарх, дольше всего Катон задержался в Афинах<sup>40</sup>, одном из крупных центров греческого оливководства. Видимо, по своему обыкновению Катон не только выполнял военно-дипломатические поручения, но и не оставил без внимания богатый сельскохозяйственный опыт греков. К тому же Катон, покупая поместья главным образом в Кампании, мог заимствовать многое из опыта греков кампанских и южноиталийских. Нет никакого сомнения в том, что подробные и обстоятельные рекомендации Катона по уходу за маслиной и шпалерным виноградником в большей части иноземного — греческого, в частности, — происхождения. И если практичный Катон и столь скрупулезно излагает все необходимые правила ухода за ними, то, видно, они были мало знакомы его аудитории. Характерно, что с наибольшей подробностью изложены правила ухода за маслиной и шпалерным виноградником, в то время как полеводство в узком смысле слова, отрасль хозяйства более консервативная и лучше известная итальянским земледельцам, описана несколько схематично<sup>41</sup>. Кстати, греческий опыт вряд ли давал здесь что-либо существенное по сравнению с итальянским, в области же оливководства и виноградарства греки были крупнейшие специалисты. О заимствовании греческого опыта Катон иногда говорит прямо. Так, при монтаже трапезов Катон рекомендует использовать два греческих блока (*trochileas Graecanicas*, 3, 5) и дает им подробное описание, видимо, как новым ранее, не известным элементам<sup>42</sup>. Катон часто называет некоторые деревья, кустарники и растения, которые определяются им как греческие, например, греческая ива (*salicem graecam*, 6, 3; 40, 2), как греческие лук, дельфийский лавр, греческие орехи (8, 2), греческое сено мегарский лук, дельфийский лавр, греческие орехи (8, 2), греческое сено одна из самых популярных кормовых трав (*foenum graecum*, 27, 1; 35, 1;

<sup>39</sup> Зограф, ук. соч., стр. 52.

<sup>40</sup> Plut., Cato., 12. Об отношении Катона к греческой культуре см. Магго-галё, ук. соч., стр. 147—155.

<sup>41</sup> Сергеев, Очерки..., стр. 25—26.

<sup>42</sup> Катон, Земледелие, стр. 133 (комментарий М. Е. Сергеев).

37, 1), о приготовлении греческого и косского вина автор говорит во многих местах (20; 105, 1—2; 112, 1—2; 158, 2). Любопытно отметить, что Катон в некоторых главах наряду с исконными римскими мерами жидких тел использует и греческие, в частности метрет (100), киаф (114, 2). В гл. 127 Катон упоминает такую чисто специфическую единицу веса, весьма редкую у римлян, как драхма <sup>43</sup>. Очень вероятно предположение ряда специалистов о том, что и часть 157-й главы заимствована из какого-то греческого медицинского сочинения <sup>44</sup>. Иначе говоря, влияние греческого сельскохозяйственного опыта в произведении Катона довольно значительно <sup>45</sup>. По нашему мнению, это влияние объясняется не только тем, что Катон мог многое из него позаимствовать через кампанских греков, но также и тем, что Катон лично побывал в Балканской Греции в конце 90-х гг. и собственными глазами видел успехи греческого виноградарства и маслиководства. Видимо, сельскохозяйственный трактат был написан им после возвращения из Греции, т. е. после 191 г., под свежим впечатлением.

Итак, трактат составлен скорее всего после 191 г., т. е. после возвращения Катона из Греции, но до 187 г., когда стали чеканить денарии. Предлагаемая датировка хорошо согласуется со всеми приведенными выше данными и соображениями. В самом деле, Катон, который начал приобретать и засаживать кампанские поместья сразу же после Ганнибаловой войны, видимо, приступил к более или менее систематической застройке своих вилл после 36-летнего возраста, т. е. после 198 г. Этот процесс продолжался несколько лет, и по крайней мере к концу 90-х гг. имения и виллы Катона были им приведены в образцовый порядок. Посадки маслин превратились в цветущие рощи, дававшие желанный урожай и ожидаемую прибыль. Катон на собственном опыте должен был узнать и испытать доходность подобных хозяйств, чтобы писать о них в своей книге. По возвращении из Греции Катон объехал свои благоустроенные поместья, взвесил их достоинства и недостатки по сравнению с опытом греческих хозяйств, с которыми он только что ознакомился. К этому времени Катон был прекрасно, по тем временам, подготовлен к составлению агрономического сочинения. За его плечами стоял уже солидный собственный опыт полтора десятков лет. Нечего говорить о том, что Катон хорошо был знаком с крестьянским хозяйством и традиционной итальянской агротехникой, поскольку он долгое время возделывал собственными руками участок земли, полученный им по наследству. Военная и государственная служба бросала Катона по разным углам Западного Средиземноморья: он побывал в африканских владениях Карфагена, Испании, Балканской Греции, что позволило ему познакомиться с богатым опытом ведения рабовладельческих хозяйств в Греции и Карфагене и многое от них позаимствовать.

Пример Катона, который начинает столь интенсивно скупать земли и организовывать на них оливководческие или винодельческие имения, строить виллы, т. е. создавать рабовладельческие сельскохозяйственные предприятия, от эксплуатации которых ожидают солидный доход, был.

<sup>43</sup> C a t o, 127, 1—2: tres minas in amphoram infundito... postridie, turis drachmam unam conterito et mel coctum drachmam unam et vini sextarium origaniti. Dato ieiuno et puero pro aetate triobolum et vini heminam. Столь частое, нигде больше не встречаемое упоминание о греческих мерах веса (мина, драхма, обол, гемина) наталкивает на мысль, что эта глава почерпнута Катонem из какого-нибудь греческого медицинского сочинения. См. комментарий к этому месту у Тильшера (ук. соч., стр. 313—314).

<sup>44</sup> См. комментарий М. Е. Сергеенко (К а т о н, Земледелие, стр. 212—213), а также T h i e l s c h e r, ук. соч., стр. 374—383, где приводится ряд мест, доказывающих заимствование части 157-й главы (обозначено литерой С) из сочинения Хрисиппа Книдского.

<sup>45</sup> В R E, Hbd. 43, стб. 155—156 приводится ряд данных, свидетельствующих о знакомстве Катона с греческой специальной литературой.

видимо, типичен. При организации подобных имений должно было быть много экспериментов, много неудач. Появилась нужда в руководстве, которое помогло бы в организации новых хозяйств. Честолюбивый Катон прекрасно понимал, что составление такого сочинения обеспечило бы его автору большую популярность и славу. А популярность Катону в начале 80-х гг. была очень нужна и потому, что он хотел стать цензором и готовился к выборам. Как известно, Катон первый в Риме понял важное значение ораторского искусства в политической борьбе (Plut., Cato Mai., 1; 15.) По преданию, он произнес около 150 речей, первый из римских ораторов стал записывать их и издавать<sup>46</sup>. Иначе говоря, Катон прекрасно понимал значение слова для приобретения политической популярности. В этой связи, по нашему мнению, следует рассматривать и издание его сельскохозяйственного трактата.

Предлагаемая нами более ранняя, чем принятая в историографии датировка трактата 190—187 годами позволяет более логично понять и некоторые филологические особенности этого сочинения. Если наше предположение верно, то составленная Катонем для малолетнего сына и написанная крупными буквами «История Рима» (Plut., Cato, 20) была уже его вторым произведением (сын Катона родился в 192 г., ему должно было исполниться лет 8—10, чтобы он мог читать написанную отцом книгу, поэтому она, надо полагать, была составлена не ранее 184—182 гг.)<sup>47</sup>. Естественно думать, что «Земледелие» как первое произведение Катона, а вместе с тем, видимо, и первое прозаическое произведение латинской литературы<sup>48</sup> было составлено неумело композиционно, написано «языком трудным и необработанным»<sup>49</sup>. Если верить Плутарху, Катон в преклонном возрасте познакомился с греческой образованностью, изучал Фукидиду и Демосфена. «Его сочинения, — пишет Плутарх, — в достаточной мере украшены мыслями греческих философов и примерами из греческой истории, а среди его метких слов и изречений немало прямо переведенных с греческого» (Cato, 2). Логично предположить, что ознакомившись с греческой литературой, Катон писал свои поздние произведения более искусно. Утрата остальных сочинений Катона не позволяет проверить это предположение, тем не менее остается несомненным, что на стиле и композиции его «Земледелия» не заметно какого-либо влияния греческой литературы.

Серьезным аргументом в пользу поздней датировки считается сопоставление 128-й главы трактата с Gell., XIII, 21, 1 и Plut., Cato, 4. Остановимся на этом несколько подробнее. Приведем текст 128-й главы: «Штукатурка помещения. Возьми самой глинистой или красной земли, влей туда масличного отстоя, подбавь мятой соломы. Оставь четыре дня мокнуть. Когда хорошенько размокнет, порежь совком. Порезав, штукатурь. Так ни стены у тебя не запотеют, ни мыши не прогрызут дыр, ни трава не вырастет, ни штукатурка не потрескается»<sup>50</sup>. Это место сравнивают с от-

<sup>46</sup> Cic., Brut., 17, 65. О Катоне как ораторе см. M a g n o g a l e, ук. соч., стр. 199—224.

<sup>47</sup> Марморале (ук. соч., стр. 156—157) относит составление libri ad filium к 185—180 гг.

<sup>48</sup> Прозаическое произведение Энния, содержащее пересказ Эвгемера, было написано скорее всего уже после катоновского «Земледелия», к тому же оно до нас не дошло. См. RE, Hbd. 43, стб. 147; Н. Ф. Д е р а т а н и, История римской литературы, М., 1954, стр. 79—80.

<sup>49</sup> И. И. Толстой, в кн.: Катон, Земледелие, стр. 85.

<sup>50</sup> C a t., 128: Habitationem delutare. Si habitationem delutare vis, terram quam maximam cretosam vel rubricosam sumito, eo amurcam infundito, paleas indito. Sinito quatridduum fracescat. Ubi bene fracuerit, rutro concidito. Ubi concideris, delutato. Ita neque aspergo nocebit neque mures cava facient, neque herba nascetur, neque lutamenta scindent se.

рывками из Авла Геллия: «Катон, бывший консул и цензор, говорит, что, хотя и государство и собственное его хозяйство процветали, но усадьбы свои он до семидесятилетнего возраста оставлял без всякого украшения и убранства, не позволяя их даже штукатурить»<sup>51</sup> и из Плутарха: «Ни один из его деревенских домов не был оштукатурен»<sup>52</sup>. П. Тильшер, таким образом, приходит к выводу, что поскольку в главе 128-й речь идет о штукатурке деревенских вилл Катона, а по его же словам, он начал их отделку только после 70 лет, т. е. после 164 г., то данная глава и следующие за ней написаны после этого времени. На наш взгляд, сопоставление приведенных мест Катона, Плутарха и Авла Геллия не имеют доказательной силы. В 128-й главе речь идет не о цементной штукатурке (*tectorium*), покрывавшей гладким и тонким слоем поверхность стен, которые приобретали таким образом отделанный и нарядный вид и по влажной поверхности которой могли наносить фрески<sup>53</sup>, а о примитивной глиняной обмазке (*lutamenta*), которая была широко распространена в сельских домах Италии начиная с древнейших времен<sup>54</sup>. Древнейшие глинобитные хижины в Италии вероятно были оштукатурены этим материалом<sup>55</sup>. Обмазка стен совершенно необходима при строительстве деревенских помещений, и об этом ясно говорит конец 128-й главы: «Так ни стены у тебя не запотеют, ни мыши не прогрызут дыр, ни трава не вырастет, ни штукатурка не потрескается». Здесь нет и намека на то, чтобы подобная штукатурка рассматривалась в качестве элемента украшения, отделки. Между тем в отрывке из Авла Геллия речь идет как раз о том, чтобы снять с Катона обвинение в некотором излишестве, в стремлении к роскоши, к некоей изысканной отделке. По нашему мнению, 128-ю главу и отрывок из Авла Геллия нельзя сопоставлять механически, здесь имеются в виду разные вещи. Скорее всего после 70-летнего возраста Катон приступил к некоторой реконструкции своих вилл, в ходе которой заменил традиционную глиняную обмазку стен более тонкой и красивой цементной штукатуркой и, может быть, покрыл некоторые из них фресковой росписью. Видимо, подобное толкование ближе соответствует смыслу обоих отрывков, чем предложенное Тильшером.

Сравнение (с точки зрения содержания, композиции и стиля) первых глав, по мнению П. Тильшера, более ранних, с последними, написанными, как он считает, после 164 г. и вплоть до 149 г., доказывает известную искусственность его концепции. За 50 лет, которые Тильшер отводит на работу Катона над «Земледелием», многое изменилось и в Италии, в ее сельском хозяйстве, положении крестьянства, и в концепциях и мировоззрении Катона. Между тем катоновский трактат производит цельное впечатление на всем протяжении, и в первых и в последних главах речь идет об одних и тех же предметах, так же подчеркивается роль машины, положение крестьян и наемных работников оказывается одинаковым, и здесь и там мы видим те же домоводческие советы, медицинские рецепты, ту же композицию глав, тот же стиль. По всей вероятности катоновское «Земле-

<sup>51</sup> A p l. G e l l., XIII, 23, 1: M. Cato, consularis et censorius publicis iam privaticis opulentis rebus, villas suas inexcultas et rudes, ne tectorio quidem praelitas fuisse dicit ad annum usque aetatis suae septuagesimum...

<sup>52</sup> P l u t., Cato, 4: τὸν δὲ ἐπαύλειον αὐτοῦ μηδεμίαν εἶναι κεκοιμημένην.

<sup>53</sup> Такая цементная штукатурка называлась *tectorium*, как то и видим у Авла Геллия. Слово *tectorium* значит еще и «притирание, белила, румяна», таким образом оно содержит в себе какой-то оттенок украшения, нарядности, особой отделки.

<sup>54</sup> Катон говорит о приготовлении этой штукатурки совершенно ясно: это смесь глины или глинистой земли с масляным отстоем и мятой соломой, здесь совершенно нет извести, необходимого компонента для цементной штукатурки, в которой к тому же никогда не было измельченной соломы.

<sup>55</sup> «Такой „штукатуркой“, — пишет М. Е. Сергеевко, — обмазывали раньше хаты на Украине» (в кн. К а т о н, Земледелие, стр. 201).

делие» писалось в течение какого-то довольно ограниченного срока и отражало взгляды и мировоззрение его автора именно этого времени. Несколько позже, к старости, взгляды Катона, его литературный стиль изменились, но это произошло много времени спустя, после опубликования «Земледелия».

Последнее соображение. Если согласиться со сторонниками поздней датировки катоновского трактата и считать, что он появился в конце долгой жизни автора, в середине II в. до н. э., то будет выглядеть несколько странным решение римского сената о переводе на латинский язык сельскохозяйственной энциклопедии пунийца Магона. По сведениям Плиния Старшего (XVIII, 22—23), специальная комиссия во главе с Децием Силаном приступила к переводу сочинения Магона сразу же после падения Карфагена (146 г.) и закончила перевод всех 28 книг к 141 г. Иначе говоря, принимая позднюю датировку «Земледелия», мы должны будем считать, что перевод Магона вышел в свет буквально вслед за катоновским трактатом. Это предположение возможное само по себе, практически все-таки маловероятно: катоновский трактат, составленный, конечно, для нужд определенной прослойки италийских рабовладельцев, должен был на некоторое время удовлетворить эту потребность и какое-то время особой надобности в переводных работах на эту тему не могло возникнуть. Напротив, если принять более раннюю датировку, а именно 191—187 гг., то появление перевода Магоновой сельскохозяйственной энциклопедии будет выглядеть более естественно. Со времени выхода катоновского трактата до середины 40-х гг. II в. прошло много времени, около полувека, бурное развитие рабовладельческих хозяйств в деревне привело к серьезным переменам в италийской деревне, и катоновский трактат, написанный в раннюю эпоху, связанный и с дедовской агротехникой и с элементами крестьянского мелкого производства, уже несколько устарел. В этих условиях могло возникнуть потребность в новом, более современном, произведении. Видимо, трактат Магона лучше других удовлетворял этой потребности и поэтому был переведен на язык Катона.

Изданием своего «Земледелия» Катон стремился завоевать популярность и обеспечить себе избрание в цензоры. Он пишет первый в истории римской литературы крупный трактат на латинском языке, чтобы его могли прочитать широкие круги римского общества. И как все, что он делал, он и эту работу выполнил тщательно, основательно, без украшательства и легкомыслия. Книга, как его виллы, была построена на века, хоть и появилась под влиянием определенных потребностей и конкретных политических соображений.

Катон не ошибся. Из всех его сочинений именно это оказалось самым популярным и самым уважаемым. Его жадно читали не только современники, к которым обращался автор, его изучали и переписывали потомки. Варрона, Колумеллу, Плиния невозможно представить без этой книжечки<sup>56</sup>. Была она заботливо сохранена и в последующее время и дошла до нас. На тернистом пути человечества всегда труден первый шаг, и люди лучше помнят о первом, чем о втором усилии. Видимо, еще и поэтому сочинение Катона о земледелии, составленное очень неумело, написанное архаическим, иногда малопонятным языком сохранилось, а его поздние и более совершенные в литературном отношении произведения канули в Лету.

<sup>56</sup> А. М а з з а р и н о, *Introduzione al de agri cultura di Catone*, Roma 1952, стр. 123—132.